

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-
РОФФЕ

ВТОРАЯ
ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Сазонова*
Иллюстрация на обложке *Ирины Нюренберг*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.

Г20 Вторая путеводная звезда : [роман] / Татьяна Гармаш-Роффе. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.
ISBN 978-5-04-162763-8

Колдунья вышла, и в подвале воцарилась крошечная тьма. Преодолевая слабость, Юля села на узкий топчан. Цепь на ноге громыхнула. Гарри, ее бывшего мужа, в темнице не было — сумел сбежать по дороге?.. Наверняка. Ведь ее избивали, чтобы вырвать у Гарри признание о местонахождении драгоценностей. О его сказочной любви к Юле ходили легенды, он должен был сломаться! Но теперь ее никто не бьет... Бандиты, вероятно, кинулись за Гарри в погоню, а Юлю оставили на попечение Колдуньи, опаивавшей ее дурманным зельем...

На соседнем лежаке — она успела заметить, пока горела свеча, — находился какой-то мужчина... Кто он? Почему он здесь, в темнице, рядом с ней? Юля не представляла.

...Тем временем частный детектив Алексей Кисанов пробирался по подземному ходу, продираясь через лес и болото, гнал на машинах, чтобы найти, чтобы успеть, чтобы спасти всех тех, кто пропал, кто исчез в этот странный день, полный тревог и невзгод...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гармаш-Роффе Т.В., 2022

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-162763-8

...Кто-то лил на нее молоко, прохладное и белое, и оно стекало по телу, пенилось, набегало волнами и воланами, ложилось вокруг ее ног кружевом... Это было так приятно! Жара стояла удушьящая, и потоки молока, струясь по ее телу, охлаждали разгоряченную и влажную кожу, которая болела и просто лопалась от зноя... Юля застонала от удовольствия.

Застонала и открыла глаза.

— ...Опять ты! — проговорила Юля губами, сухими от жажды и отвращения.

— Я тебе только добра хочу, — тихо ответила Колдунья, обтирая ее лицо и грудь прохладной тряпочкой, смоченной чем-то пахучим.

Вот отчего ей приснилось молоко, спасительно текущее по телу!

— Подкрепись, — Колдунья протянула ей глиняную чашу с двумя ручками.

В неверном свете свечи в чаше поблескивало густым и зеленоватым, как болото. Юля оттолкнула чашу.

— Дай пить!

— Нет. Сначала супчику, — ласково ответила колдовка, приставляя чашу к губам Юли.

Она была мерзкая. Вся в черном, и одежду она не меняла последние лет сто, пожалуй: от нее разило потом, застарелым и прокисшим, и всеми запахами кухни сразу, жареным луком, рыбой и прогорклым маслом. Лицо ее казалось большим и грубо сделанным. Вполне можно было подумать, что это переодетый мужчина, если бы не голос, обычный женский и даже не особо противный, как ни странно.

Только чтобы поскорее избавиться от колдовки, Юля, морщась, выпила супчик. Он был пряным и острым и немного горчиц.

— А теперь компотик, — довольно произнесла Колдунья и протянула ей эмалированную кружку.

Юля уже знала: как только она выпьет «компотик», то ее сознание снова помутится. Оно и сейчас, вырвавшись из-под действия снадобий Колдуньи, было нечетким... И все же она помнила: с тех пор, как она здесь, ее перестали бить. Да и то, зачем ее бить, если она постоянно вырубается? Значит, рассудила Юля, в ее интересах выпить это снадобье и отключиться. Тогда ее точно не тронут!

Она послушно подставила губы под «компотик».

— Вот и умница... — донесся до нее голос колдовки, и Юля раньше, чем сделала последний глоток, отключилась.

...Нет, это вовсе не молоко! Это молочно-белая, пенная и невесомая ткань ее свадебного платья! Это оно струится по телу, ложась воланами у ее ног.. А рядом стоит Гарри. Такой потрясающий,

такой роскошный, в своем серебристо-сером костюме с белоснежной шелковой рубашкой!

«За кавказца замуж выходит девка!» — вдруг донесся до нее шепот из толпы.

«Убогие, вы «кавказцев» только на рынке и видели! — думала Юля. — А мой Гарри большой и красивый, нежный и страстный, мужественный и щедрый — вы таких сроду не встречали! И от зависти уже полопались! Вам бы самим такого, да не светит, и теперь шипите злобно: «Кавказец!»»

Юле захотелось им резко ответить, что, мол, везде есть хорошие люди, и везде есть жлобье вроде вас!

Но она не стала. Ведь это была ее свадьба! Прекрасная, сияющая, радостная! Зачем ее портить, вступая в бессмысленные споры с жлобьем?

...Тетенька, перевязанная лентой, что-то спросила.

— Извините... — растерялась Юля. — Можно повторить?

Женщина в ленте улыбнулась снисходительно, добродушно: невеста была такой юной, еще совершеннолетия не достигла, — немудрено, что девочка растерялась!

Юля словно поймала ее мысли и тоже улыбнулась снисходительно: для того, чтобы их поженили, Гарик достал каким-то образом справку, что Юля беременна! Мама ее, видя их неземную любовь, не возражала, а папа... Он уже давно куда-то делся, так что спрашивать его мнения не пришлось.

— Согласны ли вы стать супругой Гарри Ба-

латарова? — торжественно повторила женщина в ленте.

— Согласна, согласна, согласна! — Юля даже немножко подпрыгнула: ей захотелось немедленно закружиться в танце с Гариком, смотревшим на нее отчаянно влюбленными глазами.

— Именем закона, я сочетаю вас...

И, наконец, они полетели в вальсе — чудесном, великолепном, страстном танце. И ее прохладное платье летело, словно крыльями обнимая Гарри, а он сорвал с себя серебристый пиджак, и его белая рубашка льнула к ее белому платью, и они кружились в вальсе, — светлый сияющий смерч, — заставляя толпу расступаться...

ЧАСТЬ 1

— ...Ты поверь мне, Кис, уже через пару десятилетий наше с тобой время станут называть Золотой Эпохой! Во всей истории Земли мы будем считаться самым счастливым поколением! Ни войн не знали, ни революций — мы мирное общество потребления, нам выпала потрясающе комфортная жизнь! У нас есть газ, электричество, бензин; в магазинах нам предлагают товары в мелких упаковках — нарезка того-сего... Но Земля движется к катастрофе, наводнения-землетрясения, извержения вулканов, засухи, озоновые дыры, хрен знает что с климатом творится... Смотри, жара какая! Где это видано, чтобы у нас, в Москве, жарило, как в Африке?!

Они сидели в зале с кондиционером, — в последние две недели народ вымело с веранд кафе и ресторанов, все норовили забраться внутрь, в прохладную утробу. Громко работал телевизор, где громко обсуждались результаты чемпионата мира по футболу; громко разговаривали посетители, в большинстве своем мужчины — ресторан пивной, и женщины в нем казались редкими цветными пятнами на монохромном фоне мужских рубашек и футболок. Они с Серегой забрались в самый даль-

ний закуток, этакий аппендикс при зале, — иначе слышать друг друга было невозможно.

— Прибавь экологов, — продолжал Серега, — их стараниями через пару десятилетий мы станем жить при свечах, пользоваться примусами, клумбы приспособим под огороды с картошкой и морковкой, а из магазина продукты будем таскать в холщовых мешках, — так *экологичнее*...

Серега уже прикончил третью кружку пива, и уши у него стали розовыми. Кис, — то бишь Алексей Кисанов, чье прозвище прижилось уже незнано с каких времен, — внимал малек нетрезвым рассуждениям друга, а также бывшего коллеги по сыскной работе на Петровке. Алексей давно подался в частные сыщики, не выдержав беспредела, творившегося в милиции в девяностые, а Серега Громов удивительным образом его пережил, не скурвившись, и даже звезд на погонах прирастил. Нить их дружбы не прервалась, равно как и сотрудничества: они не раз выручали друг друга в разных сложных делах.

Однако вне службы встречались они не часто, особенно с тех пор, как Алексей Кисанов обзавелся семьей. Серега был не из тех людей, что дружат «домами», и в гости к ним с Александрой ходил редко, — Сашу-то он обожал и считал умницей, зато присутствие детей его смущало, если не сказать дезориентировало. По своей холостяцкой привычке он предпочитал посидеть с друзьями в кабаке, — что уже не катило Алексею, и без того разрывававшемуся между семьей и работой. И вдруг Громов зазвал его «попить пивка». С чего бы это?

— И скажи мне, Кис, зачем, в таком раскладе,

детей заводить? — продолжал Серега. — Их ждет такая тоскливая участь, что, по-хорошему, из любви к этим самым детям, не стоит их производить на свет! Разве я не прав?

— Мои дети... — осторожно начал Алексей, — они уже родились. И обсуждать вопрос, стоило ли их *производить на свет*...

— Лех, извини, я на тебя не намекал... Я просто... Я вот думаю: жениться, детей народить, — зачем? Мне кажется, что грядущие поколения ждут только страдания! А уж их родителям и того пуще. Тут за чужих детей иной раз с ума сходишь... Помнишь, как мы твоих двойняшек искали?¹ Я думал, рехнусь... или инфаркт хватит. А я ж им не родитель! Представляю, если бы мои собственные были!.. Так зачем мне потомство, согласишься? Чтобы на муки его обрекать? Планета наша свихнулась: у нее климакс. То ей слишком жарко, то слишком холодно... А что, всему свой возраст, даже планетам! Все стареют: люди, звери, растения, камни... Звезды и планеты...

Серега сделал знак официанту, чтобы принес новую кружку.

Алексей, кажется, понимал, о чем вел речь дружба: вечный холостяк, он с возрастом все чаще задумывался о семье... Но, испытывая непреодолимое отвращение к брачным узам, Серега Громов пытался обосновать его философски.

— Земля наша стареет! Мы это со школы знаем, — но вроде бы оно должно случиться через

¹ Подробно об этом читайте в романе Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».

миллион лет? Или миллиард? Все равно. Такие цифры за пределами нашего понимания. Миллион, миллиард — это *не скоро!* А вот оказалось, что скоро. Что сейчас. Сегодня! Через три года у нас посреди Москвы вулкан вдруг вздрючит — что делать будем? Куды бежать? Как детей спасать?

— Не знаю... Ты мне тут рисуешь голливудский сценарий катастроф... хотя нет, не голливудский, потому что у них всегда детей спасают... А если вулкан вздрючит посреди Москвы, тогда никто не спасется... Но с чего это тебя так разобрало, Сергей? Вулкан, экологи, конец света... Ты ненароком не собираешься отцом стать?

— Я?!

— Тогда чего тебя повело?

— А что, ты не видишь, к чему мы идем? К керосинкам и свечкам?!

— Громов! Говори, что случилось!

— Ничего... — Он выхлебал половину четвертой кружки пива. — Я тебе про будущее толкую!

— А я про настоящее. Что стряслось?

— С чего ты взял?

— Ты позвал меня в кабак, что уже само по себе редкость. Мы сто лет дружим, но общаемся больше по делам, согласись...

— Ну.

— А тут вдруг ты меня зазвал «пивка попить».

— И что с того? Жарища какая, а тут прохладно. И пивко холодненькое!

— Последний раз мы с тобой пили так пивко года три назад, если не больше.

— И что, блин, детектив хренов, ты тут ищешь?!

— Да уже нашел. Что-то у тебя стряслось на личной почве. Давай колись.

Сергея не ответил, принялся дохлебывать пиво и тут же махнул рукой, чтобы принесли ему пятую кружку.

Кис подождал. Кружку принесли, и Сергей уткнулся в нее носом, выпачкав его в пене.

И вдруг заговорил с напором, словно его про-рвало:

— Девка тут ко мне явилась... И понесла, что она моя дочь! Слышь, Кис, *дочь!* Да я с пятнадцати лет предохраняюсь — какая, к черту, дочь?! Так хуже того, явилась с младенцем...

— Та-а-ак, — произнес Алексей и утянул от Сергея пятую кружку к себе. — Ну-ка, поподробней с этого места!

— Да чего поподробней? Выхожу сегодня из подъезда, как бросается ко мне девица с ребенком на руках. И голосит: «Папочка, наконец я тебя нашла!» При этом моего адреса ни в одном справочнике нет, сечешь?! — кипятился Сергей. — И дальше заявляет: «А вот твой внучек, папочка!» И тычет мне что-то запеленутое в руки!

— А ты?

— А я ей обратно *это* сунул. И сказал, что детей у меня нет и быть не может!

— Не спросил, с чего она взяла?

— Спросил. Она сказала... Будто б я познакомился с ее мамашей на дискотеке, а потом провел с ней ночь... И от меня у нее родился ребенок — то есть девка эта, получается... А она родила хрен знает от кого, и теперь маманя ее из дому выгнала, — так она ко мне решила прийти!

— Серега, погоди... Давай по порядку. Как насчет знакомства на дискотеке с последующим пересыпом?

— Да разве все упомнишь? Девке лет восемнадцать на глаз, выходит, девятнадцать годиков назад дискотека та была! Ты чего, Кис, с такими вопросами?

И то верно. Серега был зело хорош собой, а уж обаяния так вообще море. Женщин он просто околдовывал, не прилагая к этому ни малейших усилий. Несмотря на то, что Алексей вполне объективно наблюдал это обаяние, он все равно мало понимал суицидальные наклонности особ женского полу, кидавшихся в объятия Сереги: на его взгляд, у дружбана на лбу написано, что рассчитывать можно в лучшем случае на несколько месяцев лирическо-постельных отношений, не более...

— Иными словами, никаких воспоминаний о связи с той девушкой, которая ныне является матерью явившейся к тебе мадонны с младенцем?

— Никаких.

— И ни одной существенной детали она тебе не выдала?

— Нет.

— Ладно, едем дальше. Внешнее сходство у нее с тобой есть?

— Да я не разглядывал...

— А младенец?

— А чего младенец? Сунула мне в руки конверт, в нем маленькое лицо розовое, — чего ты хочешь от меня?

— Не кукла хоть?

— Да нет, живой вроде...

— Точно живой? Глазки открыты были? Смотрел на тебя?

— Спал.

— Так откуда ты знаешь, что живой? Что не кукла? Или... или что не мертвый?

— Типун тебе на язык! Теплый сверток был...

— От ее рук мог нагреться.

— Ексель-моксель...

— Короче, чего от меня хочешь?

— Пиво отдай!

— Хрен тебе. Уже и так язык заплетается.

— Сволочь. А чем ты можешь помочь?

— Не знаю.

— Тогда пиво отдай.

— Я могу попробовать разузнать об этой девке... Если дашь за что уцепиться.

...Шантажируя друга пятой кружкой пива, Алексей все-таки добился признания: Громов за девушкой проследил и увидел, что та вошла в парикмахерскую в двух кварталах от его дома. Больше Громов разузнать не смог: уже опаздывал на совещание.

Кис так и не отдал ему недопитую пятую кружку. Загрузив Серегу к себе в машину, он довез друга до дома, где благополучно доставил его в парикмахерскую, в которой скрылась девица с ребенком.

...Никаких других дел на сегодня не намечалось, никаких клиентов не наблюдалось, никуда бегом бежать не требовалось, и жара в этот ранний час еще

не приступила к новому пыточному сеансу. Иными словами, утро было блаженным, неспешным. Алексей наслаждался легкой дремой, несмотря на набег двух резвых котят — двух его малышей-двойняшек, забравшихся в родительскую постель. Лизанька играла с папой в «доктора», норовя ему сделать укольчик в плечо шприцем из детского набора; тогда как Кирюша уселся на него верхом, возя по груди Алексея пожарную машинку, — груди широкой и вполне удобной для того, чтобы представить, что это городская площадь. При этом он тоненько завывал, изображая сирену.

— Тихонько, Кирюшка, тихонько, маму разбудишь.

Мама, то есть Александра, приоткрыла один хитрый глаз и довольно перевернулась на другой бок: радовалась, что дети занялись папой, чье утреннее присутствие в постели являлось куда большей редкостью, чем мамино, в силу чего ему досталось все детское внимание, и она могла спокойно поспать еще часик.

Алексей тоже прикрыл глаза, радостно ощущая копошение возле себя двух маленьких, теплых и родных тел, пахнувших младенчеством.

...Кто не возился со своими малышами утром в постели (по вечной спешке или из «педагогических» идей), тот не знает, что такое счастье.

Как всегда, утреннюю идиллию нарушил паршивец-телефон. Дети не обратили на звонок внимания: в их сознание еще не помещалось слово «дела», и даже когда Алексей изогнулся, чтобы до-

стать сотовый с прикроватного столика, дочка тут же ловко догнала увильнувшее плечо, чтобы сделать очередной «укол», а сын сделал боковой объезд по периферии «площади» и малость пересел на папе, чтобы снова завладеть ее центром.

— Кис, а где моя тачка? — услышал он голос Сереги.

— У кабака, где вчера сидели, — невозмутимо ответил Алексей.

Громов разразился проклятиями. Кис уж собрался дать отбой — слушать Серегины стенания никакого интереса, — как вдруг дружбан спросил его, почти робко, что было ему совершенно несвойственно:

— А ты это... ты заглянешь в эту парикмахер...

— Загляну. Отзвоню.

— А, ну тогда... Ну, бывай!

М-да, тряханула друга вчерашняя история с девицей и младенцем: уж если он и сегодня, с утра, на трезвую голову...

С сожалением сняв с себя «котят», Алексей шепнул жене, что Сереге требуется срочная помощь, и выскользнул из кровати.

В машине он оказался через полчаса — успел и душ принять, и побриться, и термос наполнить кофе. С утра он есть почему-то никогда не хотел, что было очень удобно и во времена его службы опером, и теперь, когда Алексей занимался частным сыском. Те коллеги, которым поутру требовался плотный завтрак, чувствительно страдали, если не успевали его проглотить, поэтому Кис считал,

что ему повезло. Но чашка кофе по пробуждении ему все же требовалась, и он давно взял в привычку таскать с собой термос на утренних выездах.

Сергеа снова позвонил, когда Алексей уже рулил в сторону парикмахерской.

— Что, сегодня снова пришла? — попытался угадать он причину звонка.

— На ее счастье, нет... Кис, а тебе не в лом?

Алексей не узнавал Серегу: всегда энергичный и напористый — и шагом, и голосом, и характером, — сегодня он был подозрительно мягок. В голосе его слышалась растерянность.

— Не в лом.

— Просто у меня тут дел по горло... Я почему тебя и попросил.

— Ты меня не просил, я сам вызвался. Серега, еще раз: ты исключаяешь, что девица могла правду сказать?

— Гы. Я ж презиками всегда пользуюсь, не то что некоторые!

Сергеа гнусно намекал на недавнюю историю Алексея.

— Скотина, — беззлобно отреагировал детектив. — Они же иногда дырявятся. Вдруг правда...

— Не, Лех, поверь мне: туфта эта история, ну-трюм чую! Ты меня знаешь: своих малышей я сразу предупреждаю, что патологический холостяк!

«Малышка» — так Серега называл всех дам сердца, чтобы в именах не путаться.

Кис никогда не осуждал друга за легкомысленность любовных связей: во-первых, не его это дело; во-вторых, не судья он никому, а уж тем более дружбану закадычному; а в-третьих, все особы

женского пола, вступавшие в отношения с Серегой, были совершеннолетними и половозрелыми, а Серега и впрямь перво-наперво свое кредо вечного холостяка излагал, по-честному... Так что чист был Серега перед своими «малышками». А уж если иная девушка и решала, что в ее силах (власти, чарах и иже с ними) Серегу перевоспитать, — так то уже проблемы девушкины, Серега за них ответственности не несет.

Отчего Серега такой стиль отношения с женским полом избрал, Кису было неизвестно. Хотя если бы его кто спросил навскидку, застав врасплох, — то Кис ответил бы, пожалуй, так: работа опера плохо совместима с жизнью семейной. Опер никогда себе не принадлежит, — соответственно, не принадлежит и семье. В любое время дня и ночи его может призвать работа — и вечерами, и в выходные, а то и в отпуске... Мало, очень мало женщин существует на свете, способных считаться с такой работой. Впрочем, слово «считаться» не описывает проблемы: на самом деле она, эта мужнина работа, ложится и на плечи жен: им приходится крутиться за двоих в быту, а особенно когда есть дети...

Алексей это знал не понаслышке: первый его брак распался именно в бытность опером. Жена, не выдержав постоянного отсутствия мужа, завела себе любовника... А там и на развод подала. Но о душевных травмах не будем.

А Серега, семейного опыта не имевший, знал об этих вещах как раз понаслышке, по самой что ни на есть прямой: по телефонным переговорам оперов с супругами. И они его не вдохновляли.

— Кто-то меня разыгрывает! — продолжал Се-

рега. — Вот только кто, зачем, ума не приложу... Девчонке этой лет восемнадцать, от силы девятнадцать, — неужто ее мамашка стала бы столько лет ждать, чтобы мне ребенка предъявить? Бред, согласись!

Алексей не согласился. Он мог бы рассказать такую, к примеру, историю, как лет девятнадцать назад, со всею самонадеянностью молодости, девушка (которая теперь припечатана Серегиным определением «мамашка») могла решиться растить ребенка одна, не сказав ни слова мужчине, который этого ребенка зачал; как по прошествии лет, когда самонадеянность не оправдалась, — когда ни Принц, ни хотя бы уж Белый Конь так и не мелькнули на горизонте; когда ее мечты о карьерном взлете так и не осуществились; когда дочка выросла без отца и сама родила невесть от кого... Вот тогда и могли выиграть все обиды на жизнь, столь жестоко обманувшую; а ответчиком оказался назначен тот, кто когда-то зачал ее ребенка...

Но говорить об этом Сереге Кис не стал. Уже хотя бы потому, что это являлось лишь *возможным* вариантом, а вовсе не обязательно случившимся в действительности.

— И все-таки ты поразмысли, Громов. А вдруг я установлю, что это твой ребенок? Ты готов к этому?

Сереге впал в молчание. Алексею показалось, что он услышал, как друг скрипнул зубами.

«В этом все и дело, — подумал Алексей, — что Сереге до конца подобную возможность не исключает! Оттого-то его так пробрало!»

— Мне поворачивать обратно? — спросил Кис в отсутствие ответа.